

ЗНАК ПРИЗНАНИЯ

ЭТО ПРОИЗОШЛО в Милане вскоре после начала гастролей артистов Большого театра.

Был пасмурный, дождливый, холодный день — обычный для поздней миланской осени. Влажный дымный воздух, насыщенный бензиновыми испарениями, казался тяжелым и неподвижным.

Накануне Иван Петров пел партию Бориса в опере «Борис Годунов» и сегодня с утра чувствовал себя не совсем здоровым. Сказалась перемена климата, давало себя чувствовать и нервное перенапряжение: громадный чужой город, волнующая обстановка гастролей, восторженный прием миланской публики, калейдоскоп встреч... Петров решил отлежаться, отдохнуть, провести день в номере.

Зазвонил телефон. Петров снял трубку и без труда узнал голос Валли Тосканини — дочери знаменитого дирижера:

— Я хочу видеть вас сегодня на спектакле... К моей просьбе присоединяется еще одна дама, она рядом со мной, и я передаю ей трубку...

Через секунду Петров услышал чистую, без малейшего акцента, русскую речь:

— Господин Петров, говорит дочь Шалаяпина — Марина Федоровна Шалаяпина... Не можете ли вы прийти сегодня в один из антрактов в директорскую ложу?..

— Благодарю за приглашение, — ответил Петров. — Приду непременно...

Он положил трубку и, озадаченный неожиданным разговором, вспомнил недавний свой визит к Валли Тосканини... В квартире, в которой жил великий маэстро, было торжественно и тихо. Образ Артуро Тосканини незримо присутствовал здесь и ощущался в каждой вещи. Петров видел его дирижерские палочки, перелистывал клавиры опер с дарственными надписями Верди, Леонкавалло, Пуччини. Бойто, испещренные множеством пометок Тосканини, с жадным интересом рассматривал фото-

графии «звезд» итальянской оперной сцены — эти фотографии, подаренные Тосканини много лет назад, поныне украшают стены его кабинета.

...Вечером Петров пришел в ложу дирекции.

Был антракт, и в залитом огнями театре чинно прохаживались мужчины в черных вечерних костюмах, дамы в декольтированных платьях, в мехах. Но Петров не замечал этой обычной для «Ла Скала» картины — он весь был в ожидании.

Валли Тосканини, встретив Петрова, таинственно шепнула:

— Марина Федоровна сейчас придет...

И вот в ложу вошла высокая, худая, уже немолодая женщина с черными, слегка седыми волосами.

— Я слышала вас в «Борисе Годунове», господин Петров, — тепло сказала она, глядя на собеседника большими серыми глазами. — Вы произвели на меня огромное впечатление... И я решила сделать вам маленький подарок... Надеюсь, он будет вам приятен... — Марина Федоровна несколько замаялась и заключила: — Я решила преподнести вам перстень моего отца... Федор Иванович надевал его в последние годы, когда пел Бориса...

Она достала из ридикюля футляр, открыла его и бережно вынула массивный сверкающий перстень — перстень Шалаяпина.

Все это произошло так быстро и неожиданно, что Петров несколько секунд стоял молча, не в силах произнести ни звука.

— У меня нет слов, какими я мог бы поблагодарить вас, — наконец сказал он, склонившись, чтобы поцеловать руку Марины Федоровны. — Этот перстень я буду хранить как дорогую реликвию.

В жизни артиста бывают минуты высокого и радостного волнения. И это не только овации, восторженные возгласы, вызовы. Они угасают с последним движением занавеса, оставаясь в памяти актера, как воспоминания далекого прошлого, как этапы пути, засвидетельствованные рецензентами в коротких газетных отчетах.

Но перстень Шалаяпина, полученный из рук его дочери, — это сердечный подарок Ивану Петрову от уходящего года.

30 ДЕК 1961
Г. МОСКВА